

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

Убийство
с аншлагом

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *А. Старикова*
В оформлении обложки использован
рисунок *Валерия Петелина*

Леонов, Николай Иванович.
Л47 Убийство с аншлагом : / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (МУРу — 90 лет. Лучшие романы Н. Леонова).

ISBN 978-5-699-88220-5

Смерть на театральных подмостках — это не всегда актерская игра. Прямо на сцене во время спектакля выстрелом из пистолета убит молодой актер Полянский. А затем возле собственного дома находят умершего от сердечного приступа режиссера этого же театра. Расследование нашумевшего преступления поручается лучшим сыскарям Москвы — полковникам Льву Гурову и Стасу Крячко. Сыщики приходят к выводу, что смерть режиссера также насильственная — сердечный приступ вызван искусственно. Но связаны ли два этих преступления между собой? И что стоит за каждым из них?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонова О. М., 2016
© Макеев А., 2016
© Оформление.
ISBN 978-5-699-88220-5 ООО «Издательство «Э», 2016

Сегодня был тот день, когда в одном из театров Москвы должна была состояться премьера спектакля по пьесе известного американского драматурга Гарольда Шелдона под названием «Тройка». Еще за месяц до этой премьеры по городу были развешаны красочные афиши, приглашающие всех желающих посетить спектакль, тем более что поставила его известная труппа под руководством режиссера-постановщика Вениамина Сигизмундовича Григоровича, который успел прославиться своими смелыми замыслами. Кроме того, в пьесе играли два ведущих артиста этого театра — Серж Полянский и Жанет Билиербах, так любимые зрителям за тонкую игру на сцене. Премьера была назначена на шесть часов вечера, но истинные ценители театрального искусства пришли в театр за час до начала премьеры, чтобы пообщаться друг с другом, обсудить прошлые постановки и т. д.

Но вот прозвенел первый звонок, и люди двинулись в зал с замиранием сердца, ожидая от спектакля чего-то невероятного. Все-таки это был первый случай, когда наш режиссер решил поставить что-то из созданий Гарольда Шелдона, а тем более такую пьесу, как «Тройка».

Поднялся занавес, и представление началось...

Ожидания зрителей оказались не напрасными. Главные герои, а именно Серж и Жанет, показывали высший класс игры на сцене. Первый акт подходил к концу, и зрители затаив дыхание следили за главной сценой в этом акте.

— Ах, дорогая Ингрид! Вы сводите меня с ума! — прижав руки к груди, почти кричал артист Полянский.

— Но, дорогой Джеймс, вы заставляете меня краснеть, — смутилась Жанет.

— Мое сердце перестает биться, когда я... — начал было Полянский.

Договорить он не успел. Неожиданно в зале прозвучал выстрел, и главный герой, подавшись вперед, упал сначала на колени, а потом рухнул под ноги главной героине. Секунды три в зале и на сцене была гробовая тишина. Зрители пытались вспомнить эту сцену по тексту спектакля, а Жанет, широко открыв глаза, смотрела на уже мертвого Полянского. Но вот первое

состояние шока прошло, и Жанет, приложив руки ко рту, издала такой звук, после которого всем стало ясно, что на сцене произошло настоящее убийство. Занавес с грохотом упал, а зрители рванулись к дверям. Началась суматоха, в которой уже никто не обращал внимания на то, что происходило рядом. Все эти ценители искусства, только недавно рассуждавшие о прекрасном, сейчас неслись со всех ног, гонимые животным страхом, толкая друг друга.

За кулисами же в это время никто не кричал, не суетился. Две девушки-артистки пытались успокоить Жанет, уведя ее в сторону. Осветитель и механик, находившиеся в момент убийства за кулисами, первыми среагировали на ситуацию. Кто-то из них сразу вызвал «Скорую» и полицию, и теперь они стояли поодаль, стараясь не смотреть на лежавшего в неестественной позе Сержа Полянского. Через пять минут появился сам режиссер, который не мог произнести ни слова, а только смотрел на всех ошалелым взглядом. И немудрено. Убийство в театре — это нонсенс...

Оперативная бригада приехала в одно время с каретой «Скорой помощи». Врачи сразу же констатировали смерть и, сунув какие-то успокоительные Жанет, удалились, сказав, что по дороге они вызовут «труповозку».

Павел Игнатьевич Нестеренко, опер по должности и капитан по званию, осмотрев место преступления, сразу же приступил к своим непосредственным обязанностям. Первым делом он приказал, чтобы никто из присутствующих не приближался к убитому. Прослужив не один год в органах, он знал, что деликатничать в подобных случаях себе дороже. Люди по своей натуре очень любопытны и запросто могут устроить из места убийства объект паломничества, затоптав все следы, если таковые имелись.

Приказав поднять занавес, капитан некоторое время смотрел в зал, пытаясь понять, откуда был произведен выстрел. Наконец он повернулся и, посмотрев на своего подчиненного, приказал:

— Сержант, поднимитесь на верхний этаж и осмотрите все; возможно, убийца оставил там свое оружие. Чем черт не шутит, — добавил он то ли сержанту, то ли самому себе. После этого подошел к эксперту, который «колдовал» над убитым артистом: — Ну, что там у тебя, Семенович?

— Ничего интересного, Павел Игнатьевич. Пуля вошла в тело под небольшим углом, поэтому можно сделать вывод, что стреляли откуда-то сверху — скорее всего, с галерки. — Он показал на небольшой балкончик в конце зала. — Стреляли предположительно из пистолета, так как на пулю от

винтовки это не похоже. — Теперь его палец переместился на грудь убитого. — Но, как вы понимаете, Павел Игнатьевич, это только предварительные выводы. Окончательные я смогу дать только после вскрытия.

— Пистолет, говоришь, — капитан почесал подбородок. — Это уже хуже. Пистолет могли и не оставить на месте преступления, а забрать с собой. Тем более что глушителя на нем не было. А значит, спрятать его и унести не составит никакого труда. Ладно, вернемся к нашим бар... — Он не договорил, повернувшись к стоящим в стороне артистам. Увидев пожилого серьезного мужчину в костюме, двинулся к нему. — Вы здесь главный? — скорее для порядка спросил Нестеренко, зная, что не ошибся в своем выборе.

— Да, я режиссер этого театра, — с некоторой гордостью произнес Григорович.

— Мне нужна свободная комната, где я буду проводить опрос свидетелей. Таковая имеется? — Голос капитана был сухой и властный.

— Да-да, конечно. Прошу. — Григорович показал на дверь.

— Да, и еще. — Капитан на секунду остановился. — Попросите никого не расходиться. — Он кивнул на стоящих в стороне артистов и служащих театра.

— Хорошо. — Режиссер быстрым шагом отправился выполнять указания опера.

Подойдя к артистам, он что-то им объяснил в двух словах, покосившись на капитана, и так же быстро вернулся.

— Прошу, — снова сказал Григорович, и они двинулись дальше.

Режиссер не стал ломать голову над тем, какое бы помещение предоставить полицейскому, а просто пригласил того в свой кабинет, сказав капитану, что комната в полном его распоряжении.

Опрос свидетелей ничего не дал. Никто ничего не видел, все слышали только выстрел. Осмотр верхнего этажа тоже не принес желаемых результатов. Глядя на то, как сержант отряхивал с себя пыль, капитан был уверен, что тот честно выполнил поставленную задачу. Вызвав к себе режиссера, Нестеренко сказал:

— Теперь я бы хотел осмотреть гри-мерку убитого. Так, по-моему, это у вас называется?

Григорович, показав на дверь, произнес свое излюбленное:

— Прошу.

Раньше Нестеренко не приходилось бывать в подобных местах, поэтому он несколько удивился, увидев маленькую комнатку, в которой царил творческий беспорядок, как объяснил режиссер. На самом же деле

здесь был полный бардак. Повсюду валялись какие-то костюмы, сшитые из цветной парчи и бархата, шляпы с перьями и просто отдельные части гардероба. Единственным более-менее свободным местом было трюмо. Вот туда-то и двинулся капитан, сказав сержанту, чтобы тот занялся осмотром помещения.

На трюмо стояли флаконы, баночки, какие-то пудреницы, кисточки — в общем, все то, что каждый мужчина может лицезреть у женщины в спальне. «Точно говорят, что все они здесь пида...» — первое, что пришло в голову капитану. Вытащив платок, он стал открывать по очереди ящики стола трюмо. Чего только в них не было: обертки от конфет, женские шпильки, мягкие игрушки и все то, что никак не могло заинтересовать капитана. Неожиданно сзади раздался удивленный возглас сержанта:

— Ничего себе! Товарищ капитан, вам следует на это взглянуть...

Нестеренко обернулся и увидел, что сержант склонился над деревянным ящиком, оклеенным афишами; скорее всего, это был ящик, в котором перевозили одежду во время гастролей. Сержант откопал его под ворохом одежды.

— Что там? — спросил капитан, не трогаясь с места.

— Винтовка. — Сержант растерянно пожал плечами.

— Какая винтовка? Ружье, что ли? — Капитан представил старинное ружье прошлого века.

— Нарезная винтовка американского производства «Scorpion», предназначенная для стрельбы на дальние расстояния.

Капитан подскочил к сержанту, не дослушав его разъяснения. Действительно, в ящике среди тряпичного барахла лежала винтовка с прикрученным к ней оптическим прицелом. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что с таким оружием не ходят на охоту и не держат его ради самозащиты. Это было профессиональное оружие, предназначенное исключительно для заказных убийств.

— Ничего не трогать! — Он отодвинул сержанта в сторону, доставая сотовый телефон.

Приложив трубку к уху, он осмотрел гримерку. Теперь она ему виделась совершенно в другом свете.

— Алло, товарищ полковник? Мы тут обнаружили винтовку американского производства с оптическим прицелом. Нет, из нее никого не убивали, точнее, не убивали убитого... в общем, она находилась в гримерке убитого, — наконец донес свою мысль капитан.

С минуту он слушал, что ему отвечали в трубке, а потом, отчеканив: «Слушаюсь», убрал телефон в карман.

— Значит, так, сержант, — на лбу капитана появились складки, — остаешься здесь, и чтобы ни одна душа не смела даже приблизиться к этому месту. Ты меня понял?

— Так точно.

— Вернемся в ваш кабинет, — обратился капитан к режиссеру, который топтался в дверях. — Мне нужно задать вам несколько вопросов...

* * *

Этот день начался для полковника Гурова, как всегда, в половине седьмого утра. Прежде он просыпался раньше, но теперь, когда семья приобрела машину, они с Марией могли себе позволить поспать на полчаса больше. Теперь Лев Иванович отвозил жену в театр, а потом уже отправлялся к себе в контору. Иногда, если позволяла служба, он мог забирать ее после спектакля. Но, признаться честно, это было не так часто. По большей части Гурову приходилось задерживаться на работе.

Побрившись и приняв душ, Лев прошел на кухню, где Мария уже приготовила свой любимый кофе и как раз в это время разливала его по чашкам.

— Доброе утро, дорогой, — улыбну-

лась она, увидев свежего и помолодевшего мужа.

Лев поцеловал жену в щеку, которую та с удовольствием ему подставила. Прожив вместе не один год, они смогли сохранить теплые и душевные отношения. Многих людей, живущих вместе несколько лет, успевают съесть бытовуха, но Лев Иванович и Мария смогли обойти эти подводные рифы семейной жизни стороной. Они как-то сразу решили для себя, что не стоит ругаться по мелочам — жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на всякого рода скандалы.

— Садись. Я сейчас плюшки достану, — сказала Мария.

— Плюшки? — удивился Гуров.

— Вчера купила у нас в буфете. Все так нахваливали их, вот я и взяла, — объяснила Мария, доставая из стола пакет.

Плюшки действительно оказались очень аппетитными, и Лев с удовольствием уплетал их одну за другой. Приятную трапезу прервал телефонный звонок. Подняв глаза, Гуров посмотрел на Марию.

— Я не жду никаких звонков, поэтому, скорее всего, тебя, — развела руками Мария.

Взяв трубку, он решил сумничать:

— Кто рано встает — тот всех достает. Гуров на проводе.

■ Сыщик был почему-то уверен, что ему

звонит его напарник Стас Крячко, но оказался не прав. Звонил генерал Орлов.

— Ты всегда так отвечаешь людям по телефону, даже не поинтересовавшись, кто на проводе? — Голос генерала был серьезным — начальник не оценил шутливое вступление своего подчиненного.

— Извините, товарищ генерал, не думал, что это вы... — Лев посмотрел на жену, но та лишь осуждающе покачала головой: мол, попал ты, Гуров.

Для нее понятие «генерал» было что-то такое, от чего все должны стоять по стойке «смирно», а не отпускать саркастические шутки. И сколько ни пытался Гуров объяснить своей жене, что они с Орловым не только коллеги, но и давние друзья, хотя и много лет он ходил у генерала в подчиненных, она стояла на своем: генерал — он и есть генерал.

— Ты сейчас куда собираешься? — Голос генерала был по-прежнему строг.

— На работу, — протянул Гуров, удивленный такой постановкой вопроса.

— Я понял, что на работу, но куда именно: сюда, в контору, или сначала собирался куда-нибудь заехать?

— Я сейчас занимаюсь делом банкира Семенова, убитого три дня назад; так вот я собирался заехать к нему в банк и еще раз опросить некоторых свидетелей.